

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 330.8

Д. Макклоски

ЭКОНОМИКА С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ, ИЛИ ГУМАНОМИКА¹

26 апреля 2013 г. Дейдра Макклоски выступила на факультете свободных искусств и наук СПбГУ на конференции «Экономическая культура: ценности и интересы», организованной Центром исследований экономической культуры. Центр был основан в 2011 г. при непосредственном участии Алексея Леонидовича Кудрина. В основе материала, который подготовил Д. Е. Расков, лежит доклад Макклоски «Как мир стал богатым и почему это никак не связано с неоклассической, марксистской или неoinституциональной экономической теорией».

Название нашей конференции – «Экономическая культура: ценности и интересы», и раз уж так получилось, что я выступаю последней, я попробую подытожить ее результаты одним словом. Это новое слово — гуманомика.

Гуманомика — это экономика с человеческим лицом. В марксистской экономике людьми движет только здравый смысл и классовый интерес. А я хотела бы предложить обсудить экономику, где мотивацию составляют человеческие добродетели и, увы, пороки. Говорить о гуманомике я начала до того, как придумала это слово, — в книге «Добродетели буржуа. Этика в эпоху коммерции» [2]. В ней я разрабатывала подход к добродетелям и порокам рыночного общества с точки зрения этики: в определенной степени — приложила Аристотеля к экономике. Эта книга стала первым томом трилогии «Эра буржуазии», хотя первоначально я хотела сделать шесть томов.

Одной из задач первого тома — «Добродетели буржуа» — является попытка показать, что это не противоречие в определении, а неотъемлемая часть экономическо-

---

Дейдра МАККЛОСКИ (Deirdre N. McCloskey) — профессор экономической теории, истории, английского языка и коммуникаций Университета Иллинойса в Чикаго, США. Вначале Макклоски стала одной из самых авторитетных экономистов в области теории цен и британской экономической истории. Поворотным моментом была книга 1985 г. «Риторика экономической науки» [1], в которой сделана попытка поставить экономическую теорию в более широкие междисциплинарные рамки и подвергнуть ее критическому переосмыслению. В последние годы Макклоски работает над трехтомником о зарождении и развитии современного общества и экономического порядка. Первые два тома — «Буржуазные добродетели» (2006) и «Достоинство буржуазии» (2010) — уже вышли в свет. Как автор более двадцати книг и трехсот научных статей, Макклоски пользуется большим авторитетом, e-mail: danila.raskov@gmail.com

¹ Материал подготовлен к печати Д. Е. Расковым.

© Д. Макклоски, 2013

го возвышения Запада. Экономисты постепенно начали признавать, что у рыночной экономики есть свои добродетели. Историки на примере квакеров или староверов это уже давно поняли. Действительно, разве то, что мы называем предприимчивостью, не является добродетелью наряду с благоразумием, мужеством или надеждой? Современный мир не есть продукт новых рынков и постоянных инноваций, но результат изменившегося отношения к ним. Вовсе не экономические факторы привели к сегодняшнему уровню благосостояния, а изменение вековых предрассудков в отношении буржуа. Почему добродетелями могут обладать лишь святые и воины? Необходимо переосмысление добродетелей в мире, в котором мы все стали буржуа.

В книге я защищаю инновации, проверенные рынком. Что это такое? Тут легче обратиться к примерам. Вот, например, микрофон — это инновация, проверенная рынком. Своим благополучием мы обязаны таким вещам, как этот микрофон. Моя трилогия — отчасти защита того, что называют капитализмом. Хотя мне совершенно не нравится слово «капитализм», это глупое слово. Гуманомика задает вопрос: можно ли быть добродетельным и при этом участвовать в создании инноваций, проверенных рынком? По-моему, да, можно. В книге эта точка зрения подробно аргументированна.

Во втором томе — «Достоинство буржуа» [3] — делается попытка объяснить современный мир рынка и инноваций. Если мир теперь может быть добродетельным, то почему мы как цивилизация не могли прийти к этому раньше — при Иване Грозном, например, или в Древнем Китае? Почему процесс появления добродетельного мира рынка и инноваций начался в XVII в. на севере и северо-западе Европы? В данной книге я возвращаюсь к старой теме своих изысканий о причине и существовании промышленной революции. Если высказаться предельно кратко, то главным я считаю изменения в мировоззрении, которые произошли в Голландии и Британии. Изменения в риторике сыграли ключевую роль. Именно это сейчас мы наблюдаем в Индии и Китае. Третий том будет о происходящем у нас на глазах, в наше время.

Сегодня я буду говорить о том, что в мире компьютерщиков называется *killig app* (убийственное приложение). Так называют успешные компьютерные программы. Убийственное — потому что оно действительно работает. Мое объяснение того, почему мы богаты, — это убийственное приложение гуманомики. Чтобы понять, почему это так, необходимо осознать, что когда-то мы были очень бедны, а теперь — по историческим стандартам — мы все богаты. Вот мы сейчас во дворце Бобринских, но я смотрю на вас и понимаю, что большинство — потомки крестьян, если не в первом и втором поколении, то в третьем и четвертом. То же самое справедливо и относительно меня. Представителей дома Романовых в этой аудитории, по всей видимости, нет? Все мы — потомки бедняков.

В современном мире мы с легкостью пользуемся услугами медицины, которых не существовало еще век назад. Так, в XIX в. на мне можно было бы ставить крест, а теперь врачи обещают пробежки уже месяцев через 9–10. Теперь мы богаты настолько, что многие из нас могут позволить себе сделать дорогостоящую операцию.

В XIX в. средний доход на душу населения в день составлял 3 долл. Некоторые по-прежнему живут на эту сумму, но процент их падает резко, как камень. В стране, подобной России, заработок составляет 70 долл. на душу населения, в США — 130 долл. Количество товаров увеличилось, их качество улучшилось, медицина усовершенствовалась; экономика, окна, пол, двери — все стало лучше, может быть,

кроме живописи. А у норвежцев доход на душу населения вырос до 150 долл. С этим великим фактом едва ли что-то сравнится, не правда ли, даже слава Рима в его лучшие годы без войн — потому что в Риме доход так качественно не рос, жизнь не менялась так кардинально, как это случилось при росте доходов в настоящее время.

Почему это произошло? Самый привычный ответ на этот вопрос дал благословенный Адам Смит, я преклоняюсь перед ним. Он говорил об аккумуляции капитала. Но накопление капитала не сработало. Возьмем, например, Голландию. Смит взглянул на нее из Англии через пролив и увидел, что там, по стандартам XVIII в., шло накопление капитала. А вот в Шотландии была лишь группка людей, владеющих скотом, а накопления капитала не происходило. Смит предположил, что несколько поколений жителей мира смогут вывести любую страну на уровень Голландии. А она, напоминая, в конце XVIII в. была самым богатым государством. Так тема накопления капитала становится навязчивой идеей для экономистов. Они думают, что всё про это понимают; во всяком случае, им нравится сама идея — копить деньги.

Эксплуатация, прибавочная стоимость, доход растут как на дрожжах. Есть в этой истории нечто необычное: накопление капитала происходит с древних времен. Люди всегда что-то собирали. Чем не накопление? В средневековой Европе урожаи ячменя и пшеницы были низкими, а вот в Китае и Центральной Америке выращивали рис и кукурузу. Они давали более высокий урожай по сравнению с пшеницей и ячменем. Но в Англии или России XIII в. крестьяне сажали одно семечко, а получали 3 или 5 семечек. Средневековые крестьяне сохраняли огромный процент своего дохода. Когда смотришь на средневековые картины, представляешь, как крестьяне засеивают поля, то думаешь — какая растрата! Как они транжируют семена! Они же могли их есть, они могли накормить ими детей, но они вынуждены были сберечь семена. Все великие соборы, каналы, крепости — это примеры сбережений и растрат.

Итак, капитал растет сам собой; экономисты верят, что капитал порождает капитал. И все же это объяснение происхождения современной глобальной экономики мне не кажется удачным. Оно годилось бы, если бы так происходило везде и всегда с накоплением капитала. Но нет, такого не случается — очевидно, этот взгляд ошибочен. Когда начинается эксплуатация? В 1776 году? В 1848-м? В 1884-м? Перестаньте. Начальники эксплуатировали работников всегда. Если причина заключена в росте капитала, то почему подобный современному мир не установился в Древнем Египте? У Макса Вебера есть привлекательная теория на этот счет, хотя он тоже ошибался, потому что считал главным стремлением человека больше работать и накапливать деньги. Тем не менее люди по всему миру трудятся в поте лица, но зачастую зарабатывают очень мало. Пора поговорить о свободе духа и чувстве собственного достоинства.

Итак, сбережения и труд не составляют сути современного мира. А что тогда? Инновации. Изобретения. Обернитесь — мы во дворце, в старом здании, но оно наполнено современными технологиями. Проекторы, микрофоны, окна, цемент — все чудеса современного мира, эти новые идеи, осуществленные в рыночном обществе. Инновации, проверенные рынком. Мой старый знакомый Дуглас Норт (Нобелевский лауреат по экономике 1993 г.) предложил свой вариант объяснений, связанный с правами собственности. По-моему, он тоже ошибается, думая, что права собственности и рынки — это нечто новое. Но его теория популярна среди интеллектуалов.

Россия, кстати, — особый случай: здесь говорят — помещик владеет рабами, но царь — помещиками. Получается, что и владельцы рабов были рабами. Даже в Пруссии было общество, в котором король подчинялся законам. Частная собственность оставалась частной собственностью. А теперь, например, во Франции современное правительство забирает 55% национального дохода и тратит его на половину населения. Правительство является куда более эффективным тираном, нежели Петр I или Екатерина II.

Мое утверждение состоит в том, что накопление капитала не объясняет происходящее в современном мире. Накопление необходимо, да, как кислород. Но если случится пожар, то странно говорить, что его причиной стал кислород. Причиной может быть человек, который сжег, к примеру, мою книгу.

Итак, что же стало причиной нашего богатства, если не накопление капитала? Мой ответ не нов, он есть у Вольтера, Монтескье и Смита. Мне кажется, это связано с уникальностью экономического подъема, который начался в Голландии и распространился далее. Он связан с повышением чувства собственного достоинства у простых людей и переживанием духа свободы у изобретателей. Вместо того чтобы контролировать экономику, люди стали уважать изобретателей. Откуда это повышение чувства собственного достоинства? Этому посвящен готовящийся третий том моей книги, который покажет, что будущее за гуманомикой.

Мы имеем дело с совпадением четырех «Р»: Ренессанс, Реформация, революция и переоценка ценностей (*reevaluation*). Как меня учил в Гарвардском университете известный экономист-историк Александр Гершенкрон, в России некоторые аспекты Реформации проявились у консервативных на первый взгляд староверов. Революционное движение тотально. Повсеместные революции происходили во Франции, в Османской империи, в Китае, в Индии. Достаточно вспомнить 80-летнее восстание голландцев против испанцев или тот факт, что при Николае I было 550 крестьянских восстаний.

И все же я пытаюсь доказать, что самим этим событиям нет объяснения. Дело не в генетике, не в культурных особенностях. Это случайное совпадение — результат реакции на события в XVI–XVIII вв. в Северной Европе. Но эта реакция отличается от реакции на похожие процессы в Османской империи, в Китае, в Японии и в России.

Для понимания экономики необходимо более внимательное изучение истории, философии, лингвистики, социологии, политики и других дисциплин. Именно возвращение экономических проблем в более широкий комплекс вопросов, связанных с развитием идей, трансформацией духа и ценностей, может приблизить нас к пониманию того, как возникла и по каким принципам развивается цивилизация, сделавшая нас богатыми. С сожалением надо признать, что стандартная экономическая теория, марксизм, институциональная экономическая теория оказались совершенно бессильны в этом вопросе. Будущее за гуманомикой.

Литература

1. *McCloskey D.* The Rhetoric of Economics. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. 248 p.
2. *McCloskey D.* The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce. University of Chicago Press, 2006. 616 p.
3. *McCloskey D.* Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World. University of Chicago Press, 2010. 571 p.

Статья поступила в редакцию 26 июня 2013 г.